

Глава V

Русская матрица

В отличие от идеологий, ориентированных не на научные круги, а на широкие народные массы, комплекс теорий, объединенных понятием русской матрицы, сложился на базе серьезных исследований нашего общества и нашей истории. Результаты этих исследований выходят обычно не столь большими тиражами, как книги, включающие в себя изложение идеологий, но в научном плане они, как правило, представляют больший интерес. Это — попытка понять реальные особенности России, а не организовать в стране какие-нибудь радикальные перемены, как хотели бы одни идеологи, и не предложить населению «сон золотой», как хотели бы другие. Тем не менее теории русской матрицы фактически представляют собой разновидность концепций особого пути.

Если современные идеологии восходят к крупным концепциям XIX—XX веков (славянофильству, панславизму, евразийству, марксизму), то теории русской матрицы в значительной степени являются развитием идей Ричарда Пайпса. Хотя их авторы не любят цитировать Пайпса и даже обычно не используют введенного им понятия вотчинного государства, общая логика исследований близка. Россия противопоставляется Западу в целом. При этом многочисленным различиям, существующим внутри западного мира и делающим некоторые страны больше похожими отдельными чертами на Россию, чем на своих европейских соседей, обычно в матричных теориях должного внимания не уделяется.

При таком упрощении Запада «матричники» обнаруживают в истории нашей страны и в современных чертах российского населения черты, либо не присущие вообще западным народам, либо не слишком для них характерные. И на этой базе делается вывод о качественных особенностях России. О том, что, несмотря на многочисленные попытки осуществления прогрессивных преобразований, порочные черты отечественной культуры воспроизводятся из века в век, из эпохи в эпоху, из поколения в поколение. Они как будто бы отпечатаны на некоей матрице, и взбесившийся типографский станок постоянно «переиздает» один и тот же набор институтов вне зависимости от лозунгов, провозглашаемых элитой, и даже вне зависимости от осуществляемых порой реформ и революций.

Сторонники матричной теории, как правило, сами не в восторге от своего видения России. Они признают, что перемены желательны. И даже не отрицают в неопределенной перспективе их возможность. Однако эта возможность фактически устраняется их же собственными выводами о прочности матрицы, заложенной в российскую культуру. Все свои силы сторонники теории русской матрицы кладут на то, чтобы показать, как Россия шла и ныне идет особым путем. А вот рассуждения о возможности выхода страны на иной путь выглядят в этих теориях довольно поверхностными. Порой создается впечатление, что такую возможность эти исследователи допускают лишь в той мере, в какой не хотят казаться совсем уж безнадежными пессимистами.

Стихотворение Александра Кушнера «Времена не выбирают», из которого взят эпиграф ко второй части этой книги, показывает, что эпоха Ивана Грозного все же сильно отличается от нашей. Но оценка поэта (пусть даже великого) — это лишь субъективный взгляд. Попробуем проанализировать теории русской матрицы.

Теория «Русской системы»

Российские авторы историк Юрий Пивоваров (долгое время занимавший пост директора Института научной информации по общественным наукам) и социолог Андрей Фурсов в середине 1990-х гг. разработали теорию, которую можно считать отечественным вариантом концепции Пайпса, жестко отделяющим нашу культуру от европейской. Хотя они не используют понятие «русская матрица», предпочитая собственное — «русская система», разработки Пивоварова и Фурсова вполне можно отнести к числу матричных.

Весьма любопытен здесь сам тандем авторов. Он уже многое говорит о специфике матричных разработок — точнее, о том, что они могут лежать не только в основе научных исследований, но и в основе жестких идеологий. Если Пивоварова справедливо принято относить к числу ученых либерального направления, то Фурсов является одним из интеллектуальных лидеров направления «патриотического», автором, например, такой книги с говорящим названием, как «Мировая борьба: англосаксы против планеты», которая вроде бы, скорее, могла выйти из-под пера Дугина или какого-то иного представителя евразийской идеологии [Фурсов 2017]. Тем не менее «либерал» Пивоваров и «патриот» Фурсов целиком сошлись во взглядах на особое положение России во всемирной истории.

Авторы данной теории полагают, что «Россия (Русская система) и Запад (Капиталистическая система) суть две разных системы, у истоков которых один Исторический Субъект. А именно — христианство. <...> К XVI в. окончательно формируется две основные разновидности христианского исторического субъекта: европейский (западный), субъективность которого носит индивидуальный характер, и русский, преимущественно коллективный. <...> Власть — вот главный субъект Русской системы. Так же как капитал — главный субъект Капиталистической системы» [Пивоваров, Фурсов 1997а: 131–132].

Российская власть с давних времен устроена по-другому, чем западная, полагают Пивоваров и Фурсов. «На Руси ордынство оказалось преградой на пути поляризации сторон: князя и знати, светской и религиозной власти. Оно способствовало не обособлению и удалению, а их сплочению. <...> В XIV веке на Руси — ордынской, улусной Руси — родилось не противостояние монарх (князь) — знать (бояре), как это должно быть при феодализме и как это было в Западной Европе в XII—XIII вв., а скорее их симбиоз, объединение, единство интересов в рамках своих уделов, княжеств. Борьба развернулась не между социальными группами, но — социопространственными целостностями в поле, очерченном Ордой. Вследствие этого на Руси возник, так сказать, сдвоенный центр, тандем “князь — боярство”, княжеско-боярский “комбайн” [Пивоваров, Фурсов 1997б: 94].

Естественно, подобный вывод сразу же порождает закономерный вопрос: неужели в российской истории сложилась многовековая властная идиллия, когда после централизации государства исчезли всякие «социопространственные ценности»? Пивоваров и Фурсов, конечно, не отрицают борьбы различных групп интересов между собой, однако стремятся показать, что эта борьба принципиально отличалась от той, которая имела место на Западе. Во-первых, потому что и боярство, и дворянство, и советская номенклатура едва ли тянули на статус класса, поскольку реализовывали себя посредством службы. А во-вторых, потому что, хотя «боярство» неоднократно одерживало победы в политических конфликтах (Смута начала XVII века, годы детства Петра и пятилетие после его смерти, 1922—1929 и 1953—1957 гг.), каждый раз оно не просто упускало власть из рук, а вообще отказывалось от «коллективного руководства» [там же: 101, 120].

В общем, получается ситуация, которую можно выразить известной поговоркой «Милые ссорятся — только тешатся». На Западе конфликты между королем и аристократией настоящие, правильные, тогда как такие же с виду

столкновения, происходившие на Руси, Пивоваров и Фурсов настоящими не признают. Что боярство, что дворянство, что номенклатура бузят, по всей видимости, лишь в связи с возникновением частных, не слишком принципиальных конфликтов интересов, тогда как их сущностным стремлением всегда была служба государю или вождю.

Подобные идеи довольно часто встречаются в современной научной и публицистической литературе, хотя обычно они не выражены столь ясно, как у Пивоварова с Фурсовым. Иногда на этой базе делаются даже весьма радикальные и довольно странные выводы не только об отсутствии конфликтов в России, но даже об отсутствии в нашей стране общества: «С XIII в. и до нашего времени, за вычетом коротких исторических промежутков, в России за пределами власти не было и нет никакого общества, а есть только народ — безликая, бесправная и безгласная общность» [Шкаратан 2004: 55]. Выходит, что можно запросто пренебречь такими «мелочами» из истории XIX века, как споры славянофилов и западников, концепции панславистов и марксистов, массовым общественным подъемом, случившимся на нашей памяти в конце XX столетия, и нынешними спорами «не на жизнь, а на смерть», происходящими в социальных сетях и затрагивающими пусть явно меньшую часть, но все же миллионы россиян? Выходит, что общественные процессы, о которых написаны сотни томов, просто исчезают из истории?

Вернемся, однако, к «Русской системе». Она на фоне теории вотчинного государства выглядит не столь фундаментально выстроенной, поскольку ее авторы, в отличие от Пайпса, не разрабатывают концепции патримониальной собственности, лежащей в основе всеобщего подчинения народа монарху. Но, соответственно, Пивоварову и Фурсову нельзя предъявить представленных в разделе о Пайпсе упреков насчет существенного упрощения представлений о средневековой собственности. Простая публицистическая схема выглядит устойчивее научной теории.

Тем не менее вопросы остаются. Если мы взглянем, скажем, на историю Франции, то обнаружим, как французское «боярство» регулярно вступало в борьбу с монархом, а затем сдавало ему власть для того, чтобы зарабатывать придворной службой. Список таких конфузов будет, пожалуй, даже длиннее российского: восстание Этьена Марселя, религиозные войны XVI в., Фронда... А в XVIII—XIX столетиях произошло три революции, после которых монархия возрождалась то в виде наполеоновской империи, то в виде правления Орлеанского дома, то вновь в виде империи младшего Бонапарта. Даже само понятие «фронда», означающее несерьезное восстание по принципу «Милые ссорятся — только тешатся», пришло из французской истории, а не из русской.

Если взглянуть на историю Пруссии, то там вырисовывается еще более гладкая картина «юнкерско-кайзеровского комбайна» (как можно назвать ее по аналогии с термином, введенным Пивоваровым и Фурсовым). В Бранденбурге (позднее — Пруссии), в отличие от южной, ганзейской и рейнской Германии, были плохо развиты средневековые города и, соответственно, степень противостояния бюргерства власти была минимальной. Помещики-юнкеры были верными слугами короля.

Первая успешная революция произошла лишь в уже объединенном под властью Пруссии едином немецком государстве в 1918 г. А после слабой Веймарской республики власть быстро возродилась в виде гитлеровского тоталитаризма. Если во Франции и России имели место похожие процессы борьбы, в результате которой «боярство» уступало власти, то в Пруссии даже борьбы-то настоящей не было. В общем, концепция Пивоварова и Фурсова, скорее, должна быть названа «Прусской системой» и отнесена не к нашей стране, а к ее западному соседу. Но, естественно, такой системы не существовало на практике, и Германия, как мы видим, успешно вписалась в то, что Пивоваров и Фурсов называют Капиталистической системой.

Если в качестве Капиталистической системы рассматривать не только Англию с Голландией, но самые разные западные страны, то многие из них могут не вписаться в некий идеал, противостоящий нашим реалиям. А эти самые наши реалии можно будет обнаружить во многих уголках Капиталистической системы. Поэтому думается, что теория «Русской системы» пока остается всего лишь гипотезой, не подкрепленной серьезным компаративистским анализом. Создается впечатление, что ее авторы, не слишком вдаваясь в исторические детали, сконструировали в голове условный Запад с индивидуализмом, капитализмом и фундаментальным противостоянием подданных монарху, а затем, выдав его за Запад настоящий, противопоставили российским реалиям. Однако до тех пор, пока не будет показано, по какой причине стрельечки бунты — это лишь борьба в рамках симбиоза, а Фронта — серьезное (классовое?) противостояние, специфичность «Русской системы» по отношению к Европе останется весьма сомнительной.

«Люди X» и «люди Y»

Одной из наиболее фундаментально выстроенных концепций, представляющих Россию обществом, жестко отделенным от Запада и обладающим принципиально иными институтами, является концепция Светланы Кирдиной, изложенная в книге «Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию». Эта работа выдержала уже три издания и весьма популярна в социологических кругах.

Кирдина делит весь мир на две большие группы стран. В первых изданиях книги это было просто деление на Восток и Запад. Но затем оно было сочтено несколько упрощенным, и вместо восточной матрицы стало использоваться понятие X-матрица, а вместо западной — Y-матрица.

«Обобщение соответствующей исторической, философской, экономической, социологической и культурологической литературы, как и эмпирические исследования,

позволяет предположить, что многообразные институциональные комплексы древних и современных государств можно представить как сочетание двух институциональных матриц. Они имеют идентичную структуру, но отличаются содержанием образующих их экономических, политических и идеологических институтов. Эти матрицы названы X- и Y-матрицы, поэтому теорию институциональных матриц стали называть X-Y-теорией» [Кирдина 2014: 70]. В общем, в одном мире — одни правила игры, а в другом — другие. И подобные различия характерны как для древности, так и для современности.

У «людей X», живущих не только на Востоке, но также в России и Латинской Америке, экономические процессы опосредуются центром (по всей видимости, государством), в политике существует унитарно-централизованное устройство, идеология отстаивает приоритет коммунитарных, надличностных ценностей. У «людей Y» (европейцев, североамериканцев, австралийцев, новозеландцев) хозяйственная деятельность происходит в условиях рынка, политическая жизнь устроена по федеративному принципу, соблюдаются права и свободы личности, доминируют ценности индивидуализма [там же: 71–72].

Конечно, Кирдина не пытается сделать вид, будто на Востоке не существует никакого рынка. Чтобы теория не выглядела примитивной, она вводит понятия «доминантные институты» и «комплементарные институты». То есть в Y-мире доминируют рынок, федеративность и права человека, а все нехорошие вещи лишь дополняют общий благоприятный для жизни и развития каркас. Противоположным образом обстоит дело в X-мире. Там доминирует все то, что в целом тормозит развитие общества, и лишь отдельные благоприятные институты расцвечивают местами мрачную картину давления государства на личность. В X-мире государство не успокаивается даже во времена реформ, когда доля госсобственности сокращается, тогда как в Y-мире оно всегда лишь регулирует рыночные отношения, а не подменяет их действие диктатом центра [там же: 75–76].

На первый взгляд, теория Кирдиной неплохо отражает реалии. «Люди X» в целом, конечно, добились меньших успехов в развитии, чем «люди Y». Однако серьезный анализ ставит перед этой концепцией вопросы, убедительного ответа на которые Кирдина не дает. Если мы станем уходить глубоко в историю «мира Y», то доминирующие институты там перестанут постепенно доминировать и будут выглядеть, скорее, комплементарными. А если мы возьмем отдельные страны «мира X», где в прошлом дело обстояло точно по Кирдиной, то обнаружим сегодня доминирование рынка и соблюдение прав человека примерно на том же уровне, что в большинстве стран Запада.

Трудно понять, каким образом можно представить доминирующими институты, обеспечивающие права человека в западном мире Средневековья и начала Нового времени, когда весьма значительные по размеру социальные группы попадали тогда в крепостную зависимость и теряли большинство своих прав. Когда такие весьма значительные по размеру этнические группы, как евреи, последовательно изгонялись из всех стран, причем обставлялось это так, что они не могли даже спокойно продать свое имущество и бежали за рубеж почти нищими. Когда значительные по размеру религиозные группы объявлялись еретиками и репрессировались (естественно, с отъемом имущества). Трудно понять, как, скажем, можно говорить о доминировании рыночных институтов во времена господства натурального хозяйства, когда сама постановка вопроса «Государство или рынок» представляет собой анахронизм.

Японцев, живущих в самой восточной стране, сегодня явно не следует относить к числу «людей X». Они перешли уже в число «людей Y». Во всяком случае, важнейшие институты, сложившиеся в Японии, выглядят более «игричными», чем институты, сложившиеся в большинстве стран Восточной Европы, которые, правда, быстро развиваются, но пока еще не выглядят более совершенными, чем правила игры, давно утвердившиеся в Стране восходящего солнца. Латинская Америка — в целом хоть и далекий

от идеала регион, но вряд ли можно утверждать, что он качественно отличается в худшую по институтам сторону от той же Восточной Европы. При этом и про Японию, и про Латинскую Америку прошлого никак нельзя сказать, что они раньше относились к «миру Y».

Конечно, автор анализируемой концепции признает возможность серьезных институциональных перемен, отмечая, что в странах с доминированием институтов X-матрицы реформы идут сложнее, чем там, где доминирует Y-матрица [там же: 243, 262]. Это, бесспорно, является сильной стороной теории Кирдиной. Но если в принципе любая страна при благоприятных условиях может перейти из X-матрицы в Y-матрицу, то в чем же смысл введения понятия «матрица»? Сказать о том, что существуют реформы в отсталых странах, можно и без усложнения нашего категориального аппарата. А вот вопрос о том, какие конкретно трудности в той или иной стране мешают реформироваться, на деле оказывается столь сложен, что его невозможно решить в рамках матричной схемы, представляющей нам сильно упрощенной по отношению к огромному и разнообразному миру, в котором у каждой страны существует своя зависимость от исторического пути и свой набор трудностей.

Кирдина пытается преодолеть эту проблему довольно странным способом: с помощью количественных оценок — неясно, что отражающих, и неясно, как конкретно полученных. Вот характерный пример: «Исходя из общетеоретических положений, разрозненных пока наблюдений и анализа некоторой статистики по истории экономического развития зарубежных стран и России, можно предположить, что критическим уровнем для внедрения альтернативных институциональных форм является показатель в 30—40 %» [там же: 268]. Если с помощью этих оценок описать, скажем, задачи, стоявшие перед Россией в 1991 г., когда начинались реформы Гайдара, то как определить, что конкретно надо было делать, а что нет, для соблюдения соответствующей «процентной нормы»? Как можно алгеброй

поверить гармонию либерализации цен, фискальных изменений, приватизации... Все реформировать на 30–40 %? Подозреваю, что автор теории институциональных матриц совсем не это имела в виду. Но тогда что?

В общем, можно сказать, что концепция Кирдиной в самых общих чертах отражает сегодняшние реалии, абстрагируясь от некоторых «мелочей», но ее трудно использовать для серьезного исследования вопроса об успехах «мира Y» и причинах трудностей, которые не оставляют многие (но далеко не все) страны «мира X». Фундаментальный анализ требует значительно большего внимания к истории, чем тот, который смогла осуществить Светлана Кирдина.

Близкая по духу концепция разработана Ольгой Бессоновой, которую наряду с Кирдиной можно отнести к представителям новосибирской социологической школы. В своих книгах «Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации» [Бессонова 2006] и «Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции» [Бессонова 2015] она вводит понятие раздаточных институтов, кардинальным образом отличающихся от институтов рыночных. По мнению Бессоновой, в России доминирует раздаток, тогда как рынок выполняет лишь так называемые компенсаторные функции. Но «в короткие периоды трансформаций происходит “рокировка”: рыночные институты становятся доминантными, а раздаточные институты преобразуются в новые формы» [там же: 18–19].

В концепции Бессоновой российские раздаточные институты не тормозят модернизацию, а позволяют нам двигаться вперед (хоть и специфическим по сравнению с рыночными странами путем). Более того, автор данной концепции иногда демонстрирует даже не вполне понятный оптимизм. В частности, она отмечает, что «использование адекватной модели экономики раздатка в определенный исторический период поднимало российское общество на новую ступень развития, на ее основе не раз преодолевалось технологическое отставание, а по некото-

рым позициям достигалось даже мировое лидерство» [там же: 52]. Утверждение насчет мирового лидерства — явно спорное. Но главное, на что здесь следует обратить внимание, это на то, что матрица не обуславливает застоя. Скорее, она формирует особый путь развития.

Впрочем, конкретные параметры этой особости в концепции Бессоновой не вполне ясны. Причем не потому, что она мало внимания уделяет описанию пройденного Россией пути. Наоборот, слишком схематичным выглядит (как и у Кирдиной) Запад с его вечно рыночными чертами. Вот все, что сказано про Средневековье: «В рыночной срединной формации земельные владения являются частной собственностью, т. е. подлежат отчуждению (купле-продаже, дарению) и наследованию по завещанию. При этом крепостные крестьяне находятся в частной собственности землевладельцев (феодалов)» [там же: 84].

А как же раздача (именно раздача!) земель монархами феодалам? Как же их совершенно не рыночные обязательства по отношению к сеньорам? Как же постоянные конфискации земель у политических противников? И самое главное: где объяснение сложнейшего комплекса отношений по земельным вопросам между феодалом и крестьянином, который на самом деле находится не в частной собственности, а лишь в крепостной зависимости?

Думается, что в действительности рынок и раздаток (если пользоваться терминологией Бессоновой) теснейшим образом переплетены в Средние века как в западных странах, так и в России. Лишь по отношению к схематичному Западу, который сконструировала Бессонова на страницах своих книг, российская «раздаточная» система выглядит очень специфической. Но по отношению к реальным западным странам, каждая из которых на протяжении веков сильно отличалась от других, она совсем не столь специфична. Или, точнее, у всех стран (включая Россию) есть как специфика, так и общие черты. Поэтому концепция, делящая мир на «два лагеря», не очень хороша для понимания сложных процессов.